

Располагая слова «лесенкой», автор выделяет каждое из них, передает напряженность, взволнованность, создает эмоциональный накал:

Повезло ей,
привалило счастье вдруг.
Повезло одной
на три села вокруг.

Таким образом, в «Балладе о краках» лаконично, но емко и образно Р.И. Рождественский изобразил картину страшной войны, горе и боль, принесенную ею семьям и стране. Композиция и содержание баллады основаны на резком противопоставлении, контрасте, и сближении. В выражении авторского замысла задействован потенциал всех языковых уровней, графические средства (пунктуация), особое построение строк, но центральное, основное средство — это цветовая лексика.

ЛИТЕРАТУРА

- Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. 2005. [Электронный ресурс]. — URL: enc-dic.com/litved/Ballada-246/ Киклевич А.К. Зачем повторяют слова? // Русская речь. — 2014. — № 2.
- Колокольцева Т.Н. Стилистика русского языка. — М., 2016.
- Николина Н.А. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы. — М., 2009.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 1992 (СОШ).
- Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. — М., 2001.
- Рождественский Р.И. Стихи. Баллады. Песни. — М., 1984.
- ru.wikipedia.org/wiki/Серый_цвет
- Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. — М., 1981–1984 (МАС).
- Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. — М., 1977.

ЗАГАДКИ ТЕКСТА

Н.А. АФАНАСЬЕВА
Санкт-Петербург

Истоки образа *огонь — война* в русском поэтическом сознании

В статье на материале древнерусской литературы и фольклора рассматриваются вопросы происхождения традиционного для русской поэзии образа *огонь — война*.

Ключевые слова: язык поэзии; традиционный поэтический образ; *огонь — война*.

Образ *огонь — война* известен в русской поэзии уже с XVIII в.: *Там брань горит, там мир возлюбленный цветет* [Ломоносов 1986: 225]; *Как войны потухнет пламень, / Мы искать с тобой пойдем / Кроющий героя камень, / Сердце будет нам вождем* [Дмитриев 1967: 268]; *Как пламенем войны сжигаем был весь свет, / Когда и Марс рыдал, смотря на лютость бед* [Богданович 1957: 142].

Исследователи полагают, что образ *огонь — война* сложился в русской поэзии, прежде всего, под влиянием классицистической поэзии. А.Д. Григорьева отмечает, что «в качестве структурного

центра всех выражений... выступали образы Марса (Арея) и Беллоны... а также близких им персонифицированных явлений — Раздора и Вражды», и приводит описание условного изображения войны в книге М. Сперанского «Правила высшего красноречия» как страшного чудовища, из «уст которого вылетают пламя и смерть» [Григорьева, Иванова 1969: 74–75].

Поскольку образ *огонь — война* был быстро воспринят русской поэзией и прошел через разные поэтические эпохи, можно утверждать, что он характерен русскому поэтическому сознанию в целом. В.П. Адрианова-Перетц, анализируя литературный стиль русского Средневековья и взаимодействие устно-поэтической традиции и византийско-славянских книжных образцов, пишет, что прочнее прививались те формулы, «которые находили

Афанасьева Наталья Андреевна, кандидат филол. наук, ст. преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: nat31371@mail.ru

себе опору в системе поэтических символов русской народной поэзии» [Адрианова-Перетц 1947: 14]. Это замечание можно отнести и к традиционным образам русской поэзии. Усваивались и принимались те образы, которые были свойственны народному поэтическому сознанию вообще.

Для того чтобы выяснить истоки образа *огонь — война* в поэтическом сознании более древнего периода, обратимся к фольклорным текстам, славянским языческим верованиям, древнерусской литературе.

При знакомстве с древнерусскими текстами военной тематики становится очевидным, что в те времена огонь был значимым видом оружия, а значит, прямое значение этого слова оказало влияние на формирование образного. В «Поучении Владимира Мономаха» о покоренных городах автор пишет, используя слова *пожгли, ожьже* (*выжег*):

Тое же зимы тои посласта Берестию брата на головнѣ, иде бяху ляхове пожгли, той ту блюдь городъ тихъ. (Той же зимой послали меня в Берестье братья на пожарище, что поляки пожгли, и там правил я городом утишенным.);

А на лѣто со отцемъ подѣ Полтескъ, а на другую зиму с Святополкомъ подѣ Полтескъ, — ожьгыше Полтескъ. (А летом с отцом — под Полоцк, а на другую зиму со Святополком под Полоцк, и выжгли Полоцк.)

[Библиотека литературы... 1997, т. 1, Электронный ресурс].

Появление огнестрельного оружия в более поздние времена не только поддерживало образное представление, но и усилило его образную основу, так как в сражениях стал реже применяться собственно огонь, но стрельбу сопровождали дым, искры; пожары возникали как следствие стрельбы.

На формирование образа *огонь — война* оказали влияния и древние мифологические представления, и языческие верования. В русском фольклоре есть персонаж — огнедышащий Змей Горыныч, — с ним вступали в бой герои русских сказок и былин:

Летит на него лютый змей, огнем палит, смертью грозит;

Змей пламенем палит, когтями рвет;

Тут змей испустил из себя пламя огненное, хочет сжечь царевича;

Я твоё царство огнем сожгу, пеплом развею [Пропп 1996: 217].

«Огненный Змей, — пишет Б.А. Рыбаков, — был устойчивым символом степных кочев-

ников, набеги которых сопровождалась заревом пожаров» [Рыбаков 2013: 366].

Другое влияние восходит к древним верованиям славян. В списке славянских языческих богов нет собственно бога войны. Например, М.В. Ломоносов в «Древней Российской истории», проводя параллель между славянскими богами и античными, сопоставляет Перуна с Зевсом, Ладу с Венерой, Дида и Леля с купидонами [Ломоносов 1952: 251], но в его списке нет ни Марса, ни Афины. Военные функции были у верховного бога-громовержца Перуна. Именно его считали покровителем князя и дружины. С именем Перуна связано представление о разящем врагов огне, о молниях, которые поражают врагов. А.Н. Афанасьев имя бога-громовержца Перуна возводит к более древним догосударственным верованиям, полагая, что тогда это был бог, пробуждающий природу от «зимней смерти» [Афанасьев 2005: 95]. В «Повести временных лет» запись 941 г. повествует о походе Игоря на Царьград. Русские были встречены новым для них видом оружия: *Феофан же встретил их в ладьях с огнем и стал трубами пускать огонь на ладьи русских*. После возвращения русские сравнивают оружие греков с молниями: *Будто молнию небесную, — говорили они, — имеют у себя греки, и пуская ее, пожгли нас; оттого и не одолели их* [Библиотека литературы... 1997, т. 1, Электронный ресурс]. А.Н. Афанасьев приводит в качестве примера областной говор, заговор и народную загадку, в которых молния, солнечные лучи сопоставляются со стрелами и копьями [Афанасьев 2005: 82]. А значит, образная параллель *молния — оружие* была значима в дохристианской Руси.

Исследователи, говоря о том, что сюжет змеборчества стал «основным мифом», повлиявшим на формирование мифологических систем всех индоевропейских народов [Иванов, Топоров 1974: 164–179], проводят аналогии между языческим богом Перуном, Ильей Муромцем и Святым Георгием, Ильей-пророком, а Змия, которого поражает Святой Георгий, связывают с образом Змея Горыныча. После принятия христианства, когда велась борьба с языческим влиянием, черты и функции Перуна были перенесены на чтимый в народе христианский образ Георгия Победоносца.

Для народного сознания значимо было оружие в руках божественных сил. Е. Левкиевская, отмечая, что «в некоторых неканонических древнерусских текстах

довольно долго продолжали совмещать языческие и христианские представления о происхождении грома», приводит в качестве примера диалог из книги «Беседа трех святителей», где на вопрос «От чего гром сотворен бысть» дан ответ: «Два ангела громовые есть: елленский старец Перун и Хорс жидовин, два есть ангела молниевых», а на вопрос «Что есть гром и молния?» — «Ангел Господень летая, бьет крылами и гонит дьявола. Молнии суть свиты ангельские» [Левкиевская 2002: 460].

В «Летописной повести о Куликовской битве» на помощь русским воинам приходит полк ангелов:

Видели благочестивые в девятом часу, как ангелы, сражаясь, помогали христианам, и святых мучеников полк, и воина Георгия, и славного Дмитрия, и великих князей тезоименитых — Бориса и Глеба. Среди них был и воевода совершенного полка небесных воинов — архистратиг Михаил. Двое воевод видели полки поганых, и трисолнечный полк, и огненные стрелы, летящие на них; безбожные же татары падали, обьятые страхом Божиим, и от оружия христианского [Библиотека литературы... 1997, т. 6, Электронный ресурс].

В таких чудесных видениях, как првило, всегда присутствуют стихии огня и/или света. В данном случае огненными были стрелы, в «Сказании о Мамаевом побоище» поддерживают воинство Дмитрия двое юношей, *одетые в светлые багрянцы, с острыми мечами*, лица которых сияли будто солнца [Там же], в других случаях появление ангелов сопровождает огненный столп и т.д.

Летописцы часто обращаются к образу грозы, грозовых туч, саму битву сравнивают с грозой. В этом древнем образе нашли истоки два образа более позднего времени: *буря — потрясения в жизни, огонь (молнии) — война*. Проза может быть и предвестником события, и с ней может сравниваться само сражение. В фольклорных произведениях, в былинах «Добрыня и змей» перед началом битвы:

Да из далеча-далеча из чиста поля, / Из-под западней да спод сторонюшки, / Да-й не дождь дождит, да-й то не гром громит, / А-й не гром громит, да шум велик идет: // Налетела над молодого Добрынюшку / А-й змеинищо да то Горынищо [Былины... 1938, Электронный ресурс].

В произведениях древнерусской литературы, в «Сказании о Мамаевом побоище» природа и человек предчувствуют приближение грозы — грозной сечи:

А за многие дни множество волков стеклось на место то, завывая страшно, беспрерывно все ночи, предчувствуя грозу великую. У храбрых людей в войсках сердца укрепляются, другие же люди в войсках, ту прослышав грозу, совсем приуныли: ведь небывалая рать собралась [Библиотека литературы... 1997, т. 6, Электронный ресурс].

Древнерусские писатели сопоставляют Куликовскую битву с грозой. Если в «Сказании» битва описана метафорическими средствами: *молнии от блеска мечей, гром от преломленных копий*:

На том ведь поле сильные войска сошлись, из них выступали кровавые зори, а в них трепетали сверкающие молнии от блеска мечей. И был треск и гром великий от преломленных копий и от ударов мечей, так что нельзя было в этот горестный час никак обозреть то свирепое побоище,

то в «Задонщине» используется параллелизм, более характерный народному поэтическому творчеству:

На том поле грозные тучи сошлись, а из них беспрерывно молнии сверкали, и гремели громы великие. То ведь сошлись русские сыновья с погаными татарами за свою великую обиду [Там же].

Образ молнии при описании батальных сцен был значим и в поэзии XVIII в. В поэзии нового времени также наблюдается влияние мифа змееборчества, например, он отражен уже в названии произведения М. Ломоносова: «Надпись на день восшествия на престол ее величества 1753 года, где императрица уподобляется Минерве, молниєю поражающей дракона многоглавого».

Интересно частое обращение в поэзии XVIII в. к лексеме *перун* в значении 'молния' как в прямом, так и в переносном значении 'оружие': *С отказом зашумел из жарких тучей град, / Перуны росские и блещут и разят* [Ломоносов 1986: 280], *Но мечет днесь и он перуны* [Державин 1957: 326], (Об Александре I; «Державин имеет в виду войну 1806—1807 гг.» [Западов 1957: 445]).

Поэзия XIX в. постепенно отказывается от образов молний, героев, поражающих

своих врагов оружием, подобным молнии, от врага в образе огнедышащего чудовища, чаще прибегая к более абстрактному образу *огонь — война*, хотя и этот образ известен с давних времен. Иван Грозный в первом послании Андрею Курбскому, вспоминая свое детство, пишет о матери, которая, овдовев, оказалась *яко в пламени отвсяду пребывающе, ово убо от иноплеменных языкъ откругъ приседающих брани непремителна приемлюще от всѣхъ языкъ* (слово среди пламени находясь: со всех сторон на нас двинулись войной иноплеменные народы) [Библиотека литературы... 1997, т. 11, Электронный ресурс]. Но в поэтическое сознание и в XX в. сохраняется представление о войне как о чудовище, например в стихотворении Н. Гумилева «Наступление»: *Та страна, что могла быть раем, / Стала логовищем огня* [Гумилев 1995: 501]. Сочетание *логовище огня* отсылает к образу зверя: *война — зверь*, а сравнение страны с логовищем говорит о размерах этого чудовища.

Возможно, определенное влияние на формирование образа *огонь — война* оказала и традиционная параллель: *чувства человека* (воодушевление, ярость, страх) — *огонь*, отсюда идиоматическое выражение *в пылу сражения*.

Можно утверждать, что в русском поэтическом сознании образ *огонь — война* имеет древние корни, его формирование, безусловно, связано с прямым значением слова *огонь*. Значимы мифологические истоки этого образа, образ мифического огнедышащего чудовища, а также древнее представление о *грозе — битве* и молниях как оружии, которое в язычестве восходило к имени верховного бога-громовержца.

ЛИТЕРАТУРА

Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля древней Руси. — М.; Л., 1947.

Афанасьев А.Н. Мифология древней Руси. — М., 2005.

Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева и др. — СПб., 1997. — Т. 1: XI–XII века [Электронный ресурс]. — URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4863> (дата обращения: 23.09.2016).

Указ. соч. — СПб, 1999. — Т. 6: XIV — середина XV века [Электронный ресурс]. — URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4880> (дата обращения: 05.09.2016).

Указ. соч. — СПб, 2001. — Т. 11: XVI век [Электронный ресурс]. — URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=8867> (дата обращения: 05.09.2016).

Богданович И.Ф. Стихотворения и поэмы. — Л., 1957.

Былины: Русский героический эпос / Вступ. ст., ред. и примеч. Н.П. Андреева. — Л., 1938 [Электронный ресурс]. — URL: <http://feb-web.ru/feb/byliny/default.asp?feb/byliny/texts/byl/bil.html> (дата обращения: 05.09.2016).

Григорьева А.Д., Иванова Н.Н. Поэтическая фразеология Пушкина. — М., 1969.

Гумилев Н. Избранное. — М., 1995.

Державин Г.Р. Стихотворения. Библиотека поэта. — Л., 1957.

Дмитриев И.И. Полное собрание стихотворений. Библиотека поэта. — Л., 1967.

Западов В.А. Примечания // Державин Г.Р. Стихотворения. Библиотека поэта. — Л., 1957.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. — М., 1974.

Левкиевская Е. Мифы русского народа. — М., 2002.

Ломоносов М.В. Древняя Российская история от начала российского народа до кончины Великого князя Ярослава Первого или до 1054 года // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. — М.; Л., 1952. — Т. 6.

Ломоносов М.В. Избранные произведения. Библиотека поэта. — Л., 1986.

Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. — М., 2013.

Пропп В. Исторические корни волшебной сказки. — СПб., 1996.